

Товарищ Кисляков (Три пары шелковых чулок)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т50

Т50 Товарищ Кисляков (Три пары шелковых чулок) / – М.: Lennex Corp, — Под-
готовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 310 с.

ISBN 978-5-519-66938-2

«Товарищ Кисляков (Три пары шелковых чулок)» — Пантелеймон Сергее-
вич Романов

Короткий сатирический рассказ о советском чиновнике Кислякове, который под прикрытием революционной скромности и высоких идеалов не устоял перед мелкими соблазнами быта. История с тремя парами шелковых чулок становится символом внутреннего противоречия между декларируемым равенством и личной жадностью, обнажая лицемерие и нравственную слабость героя.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Каждого приѣхавшаго послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія изъ Москвы непривычно поражалъ этотъ шумъ: по улицамъ съ непрерывными гудками проносились толстобокіе автобусы, безъ умолку звенѣли на запруженныхъ народомъ перекресткахъ трамваи. Сотрясая мостовую, съ звенящимъ грохотомъ везлись на дорогахъ куда-то желѣзные рельсы, откуда-то слышался лязгающій звонъ желѣзныхъ балокъ, по которымъ били тяжелымъ молотомъ, — и эти удары глухо отдавались въ ближнемъ переулкѣ.

А среди этого шума, звона и грохота по обѣимъ сторонамъ улицы двигался непрерывный потокъ людей.

Иногда какой-нибудь приѣзжій, въ картузѣ, съ мѣшками, останавливался въ узкомъ мѣстѣ тротуара, чтобы пропустить встрѣчныхъ, но не могъ дожидаться, такъ какъ навстрѣчу ему безъ конца выливался и выливался потокъ людей.

— Да что же это, мои матушки, — прорвало, что ли, ихъ! — говорилъ онъ, въ отчаяніи оглядываясь по сторонамъ.

Очевидно, было какое-то торжество, потому что часто попадались шедшія со знаменами процессіи молодежи. Передніе шли со строгими, серьезными лицами, въ срединѣ и сзади переговаривались и перебѣгали изъ ряда въ рядъ.

Надъ улицей часто попадались протянутыя красныя полотнища, привязанныя веревками за фонари. И всѣ пѣшеходы, проходя подъ ними, поднимали головы и читали:

«Желѣзной волей рабочаго класса построимъ социализмъ», или: «Вычистимъ изъ нашего аппарата враждебные и чуждые элементы».

— Проходите, не зѣвайте, дома прочтете! — кричали задніе. Но сейчасъ же сами останавливались, такъ какъ посерединѣ улицы стояла какая-то странная машина съ заграничными клеймами, и около нея возились два выпачканныхъ въ нефть челоуѣка въ брезентовыхъ курткахъ. Машина ломала старый асфальтъ

на ремонтируемой улицѣ, собирая вокругъ себя зрителей.

Въ одномъ изъ переулковъ, среди сваленныхъ лѣсныхъ матеріаловъ и желѣзныхъ балокъ возвышался строящійся гигантскій домъ, весь, какъ коробка, оббитый фанерой. Отсюда слышались дробный стукъ топоровъ, крикъ и брань возчиковъ, запрудившихъ проходъ и проѣздъ по переулку подводами съ тесомъ.

— Подвинь впередъ! — кричалъ одинъ. — Что растопырился на дорогѣ!

— Куда же я подвину, по воздуху, что ли, полечу! — отвѣчалъ другой. Третій тоже что-то кричалъ, но его голосъ заглушался грохотомъ падающихъ сверху бревенъ и скрежещущимъ визгомъ отдираемыхъ досокъ, прибитыхъ длинными гвоздями къ подмосткамъ.

— Вотъ чортовъ Содомъ-то! — говорилъ первый возчикъ, плюнувъ и отходя отъ своей лошади къ тротуару.

Проходившій отрядъ піонеровъ въ синихъ майкахъ, съ барабанщикомъ впереди, въ нерѣшительности остановился передъ повозками.

— Куда вы прете! — закричалъ возчикъ. — Не видите, что прохода нѣтъ. Расходились! Только и дѣлають, что ходять!

II.

Только одинъ домъ, находившійся въ самомъ центрѣ стройки, поражалъ полнымъ несоотвѣтствіемъ съ этой напряженностью жизни.

Высокія стрѣльчатые окна съ рѣшотками, угрюмый, молчаливый видъ дѣлали его похожимъ на церковь, а безконечное количество башенокъ, шпилей на крышѣ еще болѣе увеличивало это сходство.

Тяжелыя дубовыя двери съ витыми ручками открывались съ большимъ усиліемъ и, разъ открывшись, тянули своей тяжестью входившаго внутрь такъ, что ему приходилось упираться.

До десяти часовъ утра двери этого страннаго учрежденія, какъ бы въ противовѣсъ жизни и шуму улицы, оставались закрытыми и нѣмыми.

И только въ десять одна тяжелая половина ихъ открылась благообразнымъ старичкомъ, швейцаромъ въ бѣломъ кителѣ и вычищенныхъ штиблетахъ. Онъ положилъ подъ дверь обломокъ кирпича, чтобы она не закрывалась, — передвинувъ очки съ переносицы на лобъ, выпрямилъ спину и оглянулся на синѣвшее надъ деревьями и крышами небо.

— Какова погода-то стоитъ, — сказалъ онъ, обратившись къ вышедшему на улицу дворнику съ метлой и желѣзнымъ совкомъ на рукѣ для уличнаго сора.

— Погодка — на что лучше, — отвѣтилъ тотъ, тоже осмотрѣвшись кругомъ.

— Да, благодать, — сказалъ швейцаръ и пошелъ внутрь зданія по твердымъ пенечнымъ коврикамъ читать свѣжую газету къ своему столику, стоявшему у колонны.

Огромное антрэ съ высокими колоннами и сводчатыми расписными потолками, безконечно уходящая вверхъ широкая лѣстница съ бѣлыми статуями по сторонамъ подавляли посѣтителя своимъ мрачнымъ, молчаливымъ величіемъ.

Скудные лучи свѣта проходили откуда-то сверху, — очевидно, черезъ разноцвѣтные стекла, — и освѣщали колонны и бѣлыя ступени отлогой лѣстницы.

Каждый звукъ голоса или кашля глухо отдавался подъ сводами, какъ въ церкви, и человекъ, произведшій этотъ шумъ, самъ пугался его.

Прохлада каменныхъ сводовъ послѣ уличной духоты и какой-то церковный запахъ, исходившій, вѣроятно, отъ масляной краски на стѣнахъ и потолкахъ, неподвижность каменныхъ массивовъ колоннъ какъ бы говорили о вѣчной неподвижности, враждебной буйному движенію улицы.

Это было зданіе Центрального Музея.

Въ началѣ одиннадцатаго стали собираться сотрудники. Они въ подавляющемъ большинствѣ имѣли нѣчто

общее съ самимъ учрежденіемъ. Если на улицѣ преобладали шумныя кепки, красныя платки, сапоги, то здѣсь были сплошь интеллигентныя лица: мужчины въ шляпахъ, въ пальто, дамы въ скромныхъ закрытыхъ платьяхъ и съ сѣдыми прическами, которыя они оправляли передъ зеркаломъ прежде, чѣмъ подняться наверхъ.

Швейцарь Сергѣй Ивановичъ, поспѣшно снявъ очки со своей почтенной лысой головы, съ особеннымъ удовольствіемъ бросался раздѣвать входившихъ и непременно обращался къ кому-нибудь съ почтительной фразой:

— Погодку-то какую Богъ посылаетъ.

Мужчины всѣ были одѣты въ пиджакахъ съ лѣтними сорочками въ полосочку, непременно съ галстукомъ и запонками. Изъ интеллигентовъ не было ни одного, который рѣшился бы нарушить общій тонъ и притти въ рубашкѣ съ открытымъ воротомъ и съ засученными за локоть рукавами.

Только нѣсколько человѣкъ совсѣмъ иного вида, не заходя въ раздѣвальню, прошли прямо наверхъ, такъ какъ были безъ пальто и безъ шалоковъ. Это были комсомольцы и выдвиженцы изъ рабочихъ.

Имъ молча посмотрѣли вслѣдъ.

Обыкновенно всѣ приходили въ хорошемъ настроеніи, привѣтливо, какъ хорошіе господа въ своей вотчинѣ, задавали нѣсколько вопросовъ Сергѣю Ивановичу; напримѣръ, кто-нибудь говорилъ:

— Что новаго въ газетахъ, Сергѣй Ивановичъ?

— Все строится, — отвѣчалъ тотъ нѣсколько иронически, въ тонъ задаваемому вопросу.

Мужчины, вѣжливо здороваясь, цѣловали у дамъ ручки, у пожилыхъ и старыхъ съ особенной вѣжливостью и почтительностью. Видно было, что здѣсь не молодежь, а старыя дамы поддерживали разъ установленный порядокъ и давали всему тонъ. И тонъ былъ самый вѣжливый. Всегда говорилось: «Вы изволили сказать», «Будьте добры передать», и т. д.

Сергій Ивановичъ любилъ свое учрежденіе и гордился имъ. Гордился его чистотой, благообразіемъ и тѣмъ, что служащіе всѣ вѣжливые, обходительныя, настоящіе интеллигентныя господа, понимающіе порядокъ: никто въ грязную погоду не приходитъ безъ калошъ, не бросаетъ окурковъ, не плюетъ, и каждый дастъ на чай въ концѣ мѣсяца.

Но сегодня не было обычнаго спокойствія на лицахъ сотрудниковъ, они не спѣшили подняться наверхъ, а собирались группами подъ колоннами и о чемъ-то тревожно говорили негромкими голосами.

Среди всѣхъ выдѣлялась полная, величественная женщина съ сѣдыми завитыми волосами, съ лорнеткой, мотавшейся ниже пояса на длинномъ шнуркѣ. Она больше всѣхъ волновалась, разводила недоумѣвающе руками и пожимала плечами, при чемъ брови у нея поднимались вверхъ съ выраженіемъ неразрѣшимаго тревожнаго вопроса. Это была Марья Павловна Бахмутова, работавшая въ иностранномъ отдѣлѣ бібліотеки.

Около нея стоялъ высокій, барскаго вида, старикъ съ сѣдой раздвоенной на концѣ бородкой, въ шлятѣ и въ старинной накидкѣ, которыхъ еще не успѣлъ снять, — Андрей Игнатьичъ Андріевскій, завѣдывавшій отдѣленіемъ картинъ и фарфора.

Къ нему, какъ къ авторитетному лицу, обращались за объясненіями.

— Я не понимаю, что же это можетъ быть? — говорила Марья Павловна.

— Продолженіе и углубленіе того, что уже давно началось, — отвѣчалъ Андрей Игнатьичъ.

— Гдѣ же Ипполитъ Григорьевичъ Кисляковъ? Можетъ быть, онъ что-нибудь знаетъ болѣе подробно. Сергій Ивановичъ, Кисляковъ еще не приходилъ?

— Никакъ нѣтъ.

Но вдругъ всѣ замолчали. Въ подъездъ вошелъ странный человѣкъ въ сапогахъ, двубортномъ пиджакѣ, надѣтомъ поверхъ синей косоворотки, лѣтъ тридцати пяти, съ худымъ, бритымъ лицомъ. На вискѣ у него

былъ шрамъ, очевидно — отъ пули, разбившей кость виска и выбившей глазъ, такъ что одинъ глазъ у него былъ стеклянный. Благодаря этому у него было особенно жесткое выраженіе лица, такъ какъ къ обыкновенному взгляду живого глаза присоединялся немигающій, острый взглядъ стекляннаго.

Странная тишина наступила въ подъздѣ, когда этотъ человѣкъ не спѣша вытиралъ пыльные сапоги о коврикъ у дверей. Потомъ онъ отдалъ свою сѣрую кепку Сергѣю Ивановичу, сказавъ:

— Здравствуйте, товарищъ Моршкинъ.

Сергѣй Ивановичъ принялъ кепку и, поклонившись, отвѣтилъ:

— Доброго здоровья, Андрей Захаровичъ.

Онъ поднесъ кепку къ вѣшалкѣ и при этомъ переглянулся съ сотрудниками.

Пришедшій съ нѣкоторымъ удивленіемъ оглядѣлъ стоявшія группы сотрудниковъ, какъ-то неловко, рѣзкимъ кивкомъ головы, молча поклонился и сталъ подниматься по лѣстницѣ наверхъ.

Марья Павловна посмотрѣла черезъ лорнетъ ему въ спину и на сапоги.

— Между прочимъ, объявленіице повѣшено въ библіотечномъ залѣ, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ, выждавъ, когда человѣкъ съ стекляннымъ глазомъ скрылся за поворотомъ.

— Ну и что же? — спросила тревожно Марья Павловна, направивъ лорнетъ на Сергѣя Ивановича.

— Назначено на завтра.

— Началось, — сказала она, бросивъ лорнетку и безсильно опустивъ руки. — Ну, что же, господа, пойдемте. Кисляковъ, очевидно, не придетъ.

Всѣ стали подниматься наверхъ; дамы впереди, мужчины, вѣжливо пропуская ихъ, шли позади.

При входѣ наверхъ открывался длинный рядъ большихъ залъ съ каменнымъ поломъ и сводчатыми потолками, расписанными золотымъ орнаментомъ. Эти залы были наполнены огромными желтыми шкафами; въ нихъ

за стеклами стояли человѣческія фигуры съ восковыми лицами во всевозможныхъ одеждахъ. Въ другихъ мѣстахъ виднѣлись древнія колесницы, предметы царскаго обихода и стариннаго крестьянскаго хозяйства. У стѣнъ стояли стеклянныя витрины съ табакерками, осыпанными алмазами, въ углахъ — высокія мраморныя и яшмовыя вазы. Были залы, сплошь уставленные мебелью эпохи Павла и Александра Перваго. Въ другихъ мѣстахъ стояли каменные бабы, какіе-то предметы всевозможныхъ видовъ и формъ, частью разобранные и размѣщенные вдоль стѣнъ, частью еще неразобранные и просто сваленные въ углахъ. При чемъ было особенно много деревянныхъ рѣзныхъ солонокъ и жовшей, какіе можно видѣть на сценѣ въ картинахъ боярскихъ пировъ.

Угольная зала была полна картинъ стариннаго русскаго письма, потемнѣвшихъ отъ времени, похожихъ на иконы, другая — наполнена самими иконами въ старинныхъ, шитыхъ жемчугомъ ризахъ, а третья — въ два свѣта — была уставлена безконечными полками древнихъ книгъ съ тѣмъ ихъ особеннымъ, стариннымъ запахомъ, который бываетъ у столѣтнихъ книгъ съ ихъ мягкой, негременшей, всегда точно сыроватой толстой бумагой.

Въ этой-то залѣ и висѣло объявленіе, о которомъ говорилъ Сергѣй Ивановичъ.

Въ немъ ничего не заключалось на первый взглядъ особеннаго. Просто было сказано, что въ пятницу всѣмъ сотрудникамъ предлагается притти на собраніе. И подпись: «Директоръ музея Андрей Полухинъ».

Сотрудники смотрѣли на это объявленіе съ такимъ растеряннымъ выраженіемъ, съ какимъ новобранцы смотрятъ на неожиданно расклеенныя объявленія о мобилизации, и всѣ молчали, такъ какъ за столикомъ пропусковъ сидѣлъ въ синемъ фартукѣ новый, недавно назначенный, ч у ж о й. И только въ глазахъ дамъ отражалось, насколько сильно онѣ переживали. Большинство же мужчинъ стояло съ какимъ-то покорнымъ, бездѣйственнымъ выраженіемъ, какое бываетъ у иноковъ.

А высокій, черный, въ мѣшковатомъ пиджакѣ, висѣвшемъ, какъ на вѣшалкѣ, Галаховъ дѣйствительно былъ похожъ на монаха со своей узкой, рѣденькой бородкой и всегда опущенными глазами.

Дѣло было въ томъ, что неприкосновенному до сего времени островку интеллигенціи, которымъ являлось это учрежденіе, грозило быть затопленнымъ волнами современности. Мѣсяцъ тому назадъ былъ назначенъ новый директоръ — товарищ Полухинъ, а вмѣстѣ съ нимъ стала проникать сюда «улица», какъ говорила Марья Павловна, т.-е. появились комсомольцы и выдвиженцы изъ рабочихъ.

На-дняхъ же былъ пущенъ кѣмъ-то слухъ, что готовится о р а б о ч и в а н і е персонала, что директоръ въ ближайшіе дни созоветъ собраніе и открыто поставить вопросъ объ этомъ.

Слухъ этотъ теперь подтверждался появленіемъ на стѣнѣ загадочной бумажки за подписью директора.

— Исполиту Григорьевичу письмо, — сказалъ вошедшій съ письмомъ въ рукахъ Сергѣй Ивановичъ. Ему никто ничею не отвѣтилъ, и онъ, осмотрѣвшись кругомъ, положилъ письмо на одинъ изъ столовъ, съ усмѣшкой покачавъ головой на адресъ, который былъ написанъ не просто, а наискось изъ угла въ уголъ.

— Ну, что же, господа, надо приниматься за работу, — сказалъ кто-то. — Будемъ ждать событій.

III.

Ипполитъ Кисляковъ, о которомъ спрашивала Марья Павловна, бывшій инженеръ, а въ настоящемъ сотрудникъ Центральнаго Музея, запоздалъ въ этотъ день на службу по двумъ причинамъ: изъ-за жилищныхъ неурядицъ и потому, что заходилъ къ доктору, который нашелъ у него распатанную нервную систему и ранній склерозъ. Онъ поспѣшно шелъ, чтобы притти хотя бы къ 11 часамъ. На немъ было прорезиненное пальто, порыжѣвшее отъ солнца, фуражка и на ногахъ

вмѣсто сапогъ краги бутылочной формы съ ремешками, надѣвавшіеся какъ голенища къ башмакамъ.

Иногда онъ останавливался при переходѣ черезъ улицу, когда ему пересѣкали дорогу извозчики и автомобили, ѣздившіе часто непрерывной вереницей. Тогда онъ снималъ фуражку, торопливо проводилъ платкомъ по взмокшему отъ быстрой ходьбы бобрику и сквозь lenses нетерпѣливо и раздраженно смотрѣлъ на переѣзжавшіе ему дорогу экипажи.

У него были маленькія, плотно прижатые уши и остренькая бородка. Блѣдное, нервное лицо съ манерой быстро, точно испуганно, оглядываться говорило о какой-то неуравновѣшенности, зыбкости и легкости перехода отъ одного состоянія къ совершенно противоположному. Если онъ кого-нибудь нечаянно толкалъ, онъ съ испуганной поспѣшностью извинялся. А когда его одинъ разъ толкнулъ ломовой извозчикъ ящикомъ, который несъ съ тележки въ магазинъ, у Кислякова вдругъ появилась на лицѣ судорога страданія и безсильнаго раздраженія.

Впереди себя онъ замѣтилъ высокую старуху-нищую, бывшую аристократку, которая стояла съ палочкой, не поднимая глазъ и не прося.

Онъ вынулъ двугривенный и подалъ ей. Старуха подняла голову и растроганнымъ голосомъ сказала:

— Благодарю васъ.

Кисляковъ почувствовалъ щекотанье въ горлѣ, и сейчасъ же ему стало досадно, что онъ мало ей далъ. Онъ пошелъ дальше и сталъ думать о томъ, какъ бы она была поражена и счастлива, если бы онъ далъ ей цѣлый рубль или даже пять рублей. Непремѣнно надо это сдѣлать. Онъ оглянулся. Старуха смотрѣла ему вслѣдъ. Ему стало почему-то очень пріятно отъ сознанія своей доброты. Но на перекресткѣ онъ увидѣлъ другую нищую старушку такого же вида. Ей онъ всегда подавалъ, и она уже ждала его приближенія. У него оставалась только рублевка и никакой мелочи. Если ничего не дать — неловко, а рублевку — жалко. И онъ сдѣлалъ видъ, что ищетъ какой-то магазинъ, пе-

решель на другую сторону, не дойдя до нищей. По-мѣръ приближенія къ музею у него начало зарождаться неопредѣленно тревожное состояніе, — быть можетъ — отъ того, что онъ опоздалъ и помнилъ, что около столика пропусковъ сидитъ человѣкъ въ синемъ фартукѣ, который всегда оглядываетъ всѣхъ проходящихъ мимо него, быть можетъ — отъ чего-нибудь другого. Но ужъ каждая мелочь выводила его изъ равновѣсія, — напримѣръ, то, что впереди него шли два человѣка, занимая тротуаръ, и онъ никакъ не могъ ихъ обойти, потому что все мѣшали встрѣчные, — и это раздражало до послѣдней степени. Даже то, что его пальто было на спинѣ разорвано и заштопано рукой жены, заставляло его съеживаться, такъ какъ ему казалось, что всѣ идущіе сзади него смотрятъ на это заштопанное мѣсто и думаютъ: «Вонъ общипанный интеллигентъ идетъ».

Въ одномъ мѣстѣ ему пришлось вернуться изъ переулка назадъ и обойти кругомъ, такъ какъ тамъ съ разбираемой церкви снимали колокола, и милиціонеры не пропускалъ никого. Въ другомъ колонна комсомольцевъ, отправлявшихся куда-то съ дорожными мѣшками за плечами, загорѣла ему дорогу, и ему пришлось дожидаться, когда они пройдутъ. Онъ нетерпѣливо смотрѣлъ на ихъ веселыя загорѣлыя лица, а самъ думалъ о томъ, что человѣкъ въ синемъ фартукѣ, вѣрно, уже поглядываетъ на его пустой столъ...

Наконецъ, онъ выбрался на свободное мѣсто; его лицо приняло болѣе спокойное выраженіе.

Войдя въ подъездъ, онъ, не доходя до Сергѣя Ивановича, самъ на ходу снялъ съ себя пальто и вывернулъ его подкладкой наверхъ, чтобы тотъ не замѣтилъ заштопаннаго мѣста. На немъ былъ синій, очевидно — давнишній, отъ хорошаго портного, пиджакъ съ мягкимъ воротникомъ и сѣрые, въ мелкую клеточку штаны съ пуговичками у колѣнъ. Сергѣй Ивановичъ при его появленіи снялъ очки, торопливо положилъ ихъ на лезетку и принялъ пальто и шляпу. Когда входили сотрудники попроще, дававшіе въ концѣ мѣсяца серебряную мелочь, Сергѣй Ивановичъ только передвигалъ очки съ